

ТЕМА 9. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

§ 1. Становление философии марксизма как деятельностного гуманизма

Философия марксизма возникает в середине XIX в., определяя собой новый этап в развитии классического типа философствования — этап диалектического и исторического материализма, по определению самих его основоположников – К. Маркса (1818-1883) и Ф. Энгельса (1820-1895) и их последователей – Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, И. В. Сталина. Возникновению философии марксизма предшествует развитие капиталистических общественных отношений, характеризующихся развертыванием промышленной революции, новых буржуазных производственных отношений, государственных учреждений, политических процессов в целом. Новые социальные процессы обнажали решающую роль форм собственности в общественной жизни и способствовали становлению материалистического мировоззрения. Оно обнаруживало первичность экономического базиса в области общественной жизни.

Формированию новой философии предшествовало также развитие философской проблематики в немецкой классической философии И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха. Кенигсбергский мыслитель И. Кант пробивает первую брешь в механистическом объяснении природы, т. е. начинает рассматривать природу в ее объективном становлении и развитии. Также с Канта начинается утверждение деятельностного подхода в философии, который представлен в его концепции «практического разума». Кант обосновал творчески конструктивный характер человеческого мышления, познания и деятельности, он гносеологически представил человеческую свободу, доказав, что человек в принципе способен производить новое – и в теоретической, и в практической деятельности. В философии И. Г. Фихте предстает уже универсальный практический разум, т. е. он понимает сознание как нечто производящее вследствие свободного акта мышления. Вся предметная сфера человеческой деятельности имеет производный характер от субъекта как активного творческого начала.

Однако, нужно было пройти через духовную школу Гегеля и его спекулятивно-историческое мышление, чтобы стало возможно становление в марксизме новой диалектики, претендующей на роль революционно-преобразующей теории общественного бытия. Основные положения, которые Маркс черпает из гегелевской философии, заключаются в том, что: 1) субстанция (материя) должна мыслиться также и как субъект — «как человеческая чувственная деятельность» [1,с.1]; 2) утверждается «бесконечная значимость субъективности», признавая тем самым необходимость человеческой индивидуальности в современном гражданском обществе.

Применение гегелевской диалектики к анализу действительности позволило в конечном счете, как констатирует Энгельс, правильно интерпретировать гегелевский принцип «все действительное разумно; все разумное - действительно» и сделать тот деятельностно-революционизирующий вывод, который характеризует всю философию марксизма и выражается в стремлении не только объяснить мир, но и изменить его на основании человеческой разумной деятельности. Проблема практического разумного одновременного изменения мира и человека в качестве главного революционного марксистского принципа извлекается из немецкой классической философии. Однако принципы деятельностного изменения мира, почерпнутые из гегелевской философии, Маркс и Энгельс слишком абсолютизировали, сделав тот категоричный вывод, который формулирует Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»: «Достоинно гибели все то, что существует».

В историческом процессе формирования философии марксизма можно выделить два этапа:

1. Переход Маркса и Энгельса с позиций идеализма и революционного демократизма на позиции диалектического и исторического материализма, который завершился к началу

1844 года. Он представлен в таких работах, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса и совместных работах К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство...» и «Немецкая идеология».

2. Разработка основных положений диалектического и исторического материализма, которые изложены в произведениях зрелой философии: «К критике политической экономии», «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельса, где К. Маркс и Ф. Энгельс выступили с позиции философии деятельности.

Если у Гегеля действующим началом является мировой разум, то у Маркса — человек, для которого так называемая разумная действительность есть лишь этап в бесконечном совершенствовании человеческого мира и человека. Более того, только изменяя мир, человек через это изменение изменяет и себя. Такое качественное совпадение прогрессивного развития человека, совершаемое вместе с преобразованием действительности, с развитием мира человека Маркс назвал революционной практикой. К. Маркс отстаивает критическую функцию философии по отношению к действительности. Он считает, что задача философии заключается не в конструировании будущего и не в выработке схем, пригодных для всех грядущих времен. Она заключается «в беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями придерживающимися» [2, с.379].

Маркс и Энгельс отрицают философию в старом смысле как «науку наук» и связывают ее с деятельной борьбой за совершенствование общественных отношений, и, следовательно, человека. Эти взгляды объединили Маркса и Энгельса, и с 1844 г. они начинают совместную философскую деятельность. Они оба считали, что социальные преобразования не могут быть осуществлены путем изменения лишь сознания людей, одной лишь теоретической причиной, а прежде всего реальными действиями по преобразованию общественных отношений. Хотя ни в коем случае они не отрицали значение теории, как они считали, вскрывающей историческую необходимость и становящуюся теоретическим оружием практически действующего человека. «И теория становится материальной силой, когда она овладевает массами» [2, с.422].. Этими массами на данном этапе развития общественной жизни Маркс и Энгельс считали рабочий класс, который должен вести борьбу за эмансипацию всего человечества. В «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. Маркс называет свою философию реальным гуманизмом и воплощение реального гуманизма видит в ликвидации отчуждения труда, обусловленного эксплуатацией, и в развитии всех сущностных сил человека на этой основе, т. е. здесь заложена идея всестороннего развития личности.

Главное условие освобождения Маркс видит в уничтожении частной собственности. Однако не всякое уничтожение частной собственности ведет к уничтожению отчуждения труда, оно может вылиться в казарменный коммунизм. Только положительное упразднение частной собственности, по Марксу, есть коммунизм. Тотальное огосударствление в неразвитом обществе, как правило, создает отношение всеобщей частной собственности. Такой коммунизм «стремится уничтожить все то, чем на началах частной собственности не могут обладать все, такой коммунизм хочет насильственно абстрагироваться от таланта. ...Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием» [3, с.114]. Маркс пишет, что в таком коммунизме распространяется всеобщая и конституирующаяся как власть зависть. Скрытой формой удовлетворения этой зависти выступает стяжательство. Зависть и жажда нивелирования (т. е. уравниловки) — основные черты грубого, казарменного коммунизма, исходящего из представления о некоем минимуме. Маркс говорит, что такое упразднение частной собственности не есть еще подлинное освоение ее. Такое отрицание ведет к отрицанию всего мира культуры и цивилизации. Это означает возврат к неестественной простоте бедного, грубого и не

имеющего потребностей человека, который не только не возвышается над уровнем частной собственности, но и не дорос еще до нее. В таком «коммунизме» общность понимается как общность труда и заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом. Здесь капитал выступает как признанная всеобщность и сила всего общества.

В то же время Энгельс критикует «феодальный социализм» (английского социалиста Т. Карлейля), согласно которому идеальное общество возможно на пути возврата от капитализма назад.

В работе «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс считает, что только на прогрессивных путях борьбы рабочего класса за социализм возможно построение справедливого общества.

Разработка основных принципов диалектического и исторического материализма предпринята Марксом и Энгельсом в совместных работах «Святое семейство...» и «Немецкая идеология». В них Маркс и Энгельс считают, что: 1) идеи вне связи с обществом и, в первую очередь, с материальными потребностями бессильны; 2) решающая сила общественного развития — народные массы, роль которых в ходе общественного развития возрастает; 3) выдающиеся исторические деятели потому и становятся выдающимися, что выступают выразителями назревших общественных потребностей.

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс подвергает критике созерцательный материализм Фейербаха, непонимание им деятельностной сущности человека, роли практики в процессе познания и непонимание социальных корней религии. «Немецкая идеология» (1845-46) — это работа, где Маркс и Энгельс отработывают свои новые положения философии диалектического и исторического материализма. Маркс и Энгельс называют себя здесь коммунистическими материалистами и освобождаются окончательно из-под влияния идей Фейербаха. Главное внимание они сосредоточивают на учении об общественном бытии и общественном сознании. Именно в этой работе исследована роль производства в общественном развитии. Более того, показано, что общественное производство — это и есть общественное бытие, и оно осуществляется в формах материального и духовного производства. Здесь впервые вскрыта диалектика производительных сил и производственных отношений (форм общения), через развитие которых осуществляется общественное движение и переход от одной формы общения к другой. Здесь же анализируется возможность перехода к бесклассовому обществу через ликвидацию форм социального отчуждения и классового разделения труда. В этом движении и заключается проблема самоосвобождения человека. Рассмотрим более последовательно основные черты классического марксизма.

1. Философия марксизма была названа ее основоположниками диалектической философией, философией диалектического метода и материалистического понимания истории. Она стала возможной вследствие не только тех теоретических предпосылок, которые явила собой немецкая классическая философия, но и социально-исторических предпосылок, которые нес с собой капитализм. Маркс и Энгельс увидели истинные пружины человеческого развития в экономическом детерминизме на основе развития материального производства. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства» [4, с.19]. Она стала возможной также в силу естественнонаучных предпосылок, выразившихся в том, что наука перешла от изучения фактов к изучению связей между вещами; новые открытия в области физики, биологии, физиологии давали материал для понимания материального единства и саморазвития мира вплоть до человека. Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» указывает на три великих научных открытия: закон сохранения и

превращения энергии, эволюционную теорию Дарвина и открытие клеточного строения органического вещества, которые способствовали становлению диалектико-материалистической картины мира. Собрана была небывалая до сих пор масса нового материала для познания и «стало возможным установить связь, а стало быть, и порядок в этом хаосе стремительно нагромождаемых открытий» [5, с.288]. Энгельс обобщает весь этот накопленный к его времени материал и выступает с обоснованием идеи материального единства мира и исторического развития природы. Энгельс отверг знаменитый первотолчок Галилея и Ньютона, теорию катастроф Кювье, согласно которой изменение растений и животных, природной картины мира шло за счет катастроф. На место старых натурфилософских взглядов Энгельс дает новую природно-историческую картину мира вплоть до возникновения высшего цвета материи — человека как мыслящего существа, осуществляющего и самосознание.

Энгельс позднее специально останавливается в работе «Анти-Дюринг» (1878 г.) на вопросах материи, движения, даёт подробный анализ категорий и законов диалектики самодвижения и взаимосвязи природного и общественного мира.

2. Материалистическая диалектика отличается от идеалистической. Маркс так характеризует противоположность своего метода идеалистической диалектике Гегеля: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [6, с.21].

На место логического самодвижения понятий Маркс ставит объективный процесс развития материи и бытия. Что же касается активности мышления, то она, по Марксу, заключается в том, что мышление есть не пассивное отражение внешней реальности, а преобразование материального. Идеальный образ не совпадает полностью с материальным предметом. А сам материальный предмет берется с точки зрения практически действующего конкретно-исторического человека с его потребностями.

3. Понятие практики для марксизма является исходным и определяющим. Практика — деятельность человека. Маркс и Энгельс продолжают сенсуалистическую линию (*sensus* — чувство), согласно которой единственный источник всех наших знаний — чувственные восприятия внешнего мира. Однако диалектическая связь между чувственной и абстрактной ступенями мышления состоит в том, что абстрактное мышление содержит новое знание по сравнению с чувственным восприятием. Если бы они совпадали (чувственное восприятие как отражение отдельных явлений и абстрактное мышление как установление сущности), то наука была бы излишня.

4. На основе исследования «анатомии» капиталистического общества Маркс и Энгельс конкретизируют основные положения исторического материализма, дают формулировки наиболее общих законов общественного развития.

Анализируют целесообразную сознательную человеческую деятельность как труд, его характерные отличия от жизнедеятельности животного, тем самым, определяя общественную сущность человека. Рассматривают производство как определяющую основу всех форм человеческой жизни. Вместо формы общения как главной категории исторического материализма они вводят понятие «производственные отношения».

Знаменитый фрагмент из «Диалектики природы» (1876 г.) о роли труда в процессе превращения обезьяны в человека, хотя и основывался на работе Дарвина «Происхождение человека» (1871 г.), но значительно более по достоинству, чем Дарвин, оценивает роль труда, что и послужило доминантой в понимании человека.

На основе категории ««производственные отношения» основоположники исторического материализма через движение производственных отношений показывают естественноисторический процесс общественного производства; историю делают не идеи

выдающихся людей, а естественноисторическое движение производственных отношений, соответствующих каждый раз новому уровню в развитии производительных сил общества. В свою очередь, в качестве базиса производственные отношения в области материального производства обуславливают все другие стороны общественной жизни, которые они называли надстройкой.

На этом основании Маркс и Энгельс строят и свое учение о коммунизме как обществе, в котором высший уровень развития производительных сил (научно-техническая революция, автоматизация, человек-контролер и наладчик производства, а не его агент) приводит к необходимости создания общественной собственности. С ней Маркс и Энгельс связывали коммунистические общественные отношения. В свою очередь, такой уровень развития производства и осуществляет устранение отчуждения, при котором труд доставался одним, а его плоды — другим.

На место одностороннего отчужденного человека становится всесторонне развитый человек, свободная индивидуальность. Мерилом же общественного богатства становится не рабочее (в сфере материального производства), а свободное время. Оно-то и является условием развития всех сущностных сил человека. Раньше закабаленность трудом с низкой производительностью на одном полюсе и обладание капиталом - на другом не позволяли этого сделать, поэтому осуществлялось лишь одностороннее, отчужденное развитие человека.

Производство как материальное, так и духовное рассматривается в единстве и противоположности производства, обмена, распределения, потребления. При этом Маркс доказывает, что производство существует не ради производства, а ради потребления, а потребление - это есть производство основного капитала - человека как материального, политического, нравственного, интеллектуального и эстетического существа.

Основоположники этой философии разрушили философию в старом смысле этого слова как натурфилософию, показав, что с каждым составляющим эпоху открытием в области естествознания, а также с изменением исторических условий существования, материализм неизбежно должен менять свою форму, поскольку философия есть эпоха, схваченная в мысли.

Марксизм подчеркивал практическую направленность своего учения: «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Главную миссию изменения старого мира он возложил на пролетариат. В этом классе он видел могильщика старых производственных отношений и носителя новой формы собственности - общественной, поэтому пролетариат возглавит строительство нового социалистического мира. Пролетариату надлежит при помощи диктатуры свергнуть не соответствующий новым формам собственности старый господствующий класс – буржуазию – и приступить к строительству бесклассового общества. Так Маркс и Энгельс на основе разработанного ими принципа материалистического понимания истории превращали социализм из утопии в науку, согласно которой созревшие новые производительные силы совершат социалистическую революцию. Политическая надстройка изменится: это будет уже не диктатура буржуазии, а диктатура пролетариата, надобность в которой продлится до построения бесклассового общества, после чего государство как политический орган (диктатура одного класса над другим) отмирает.

Отчуждение, причиной которого является эксплуатация экономически бесправного класса, преодолевается, и общество совершает скачок из царства необходимости в царство свободы. Оно находится по ту сторону планируемого и ограниченного во времени материального производства и предназначается для удовлетворения растущих духовных потребностей, формирующихся у нового всесторонне и гармонично развитого человека.

§ 2. Критика ограниченности философии классического марксизма

К. Поппер (1902-1994) был не первым критиком положений классического марксизма, но его фундаментальный труд «Открытое общество и его враги», опубликованный впервые в 1945 г., заслуживает пристального внимания, прежде всего, по методологическим основаниям критики. Марксизм предстает в его критике одной из наиболее развитых и опасных форм историцизма (пророчества), в которой развита известная формула Гегеля «свобода есть познанная необходимость». Маркс анализом материального производства в своем гениальном «Капитале» доказывал идею «Манифеста Коммунистической партии» о необходимости коммунизма путем отыскания общих социологических законов: диалектики производительных сил (орудий труда и человека с его знаниями и навыками) и производственных отношений (по поводу форм собственности); соотношения базиса (экономических отношений) и надстройки (всех идеологических форм, начиная с политических); определяющей роли общественного бытия (материального производства) по отношению к общественному сознанию (всем формам духовной жизни). На основании открытых им «социологических законов» (исторической необходимости) он построил грандиозную теорию неизбежности коллективистской экономической системы вплоть до необходимости тоталитарных форм организации общественной жизни (через диктатуру пролетариата). Поппер говорит о том, что вред лжепророков (историцистов) состоит в том, что они мешают научному анализу общества, с позиций которого возможно применение социальных реформ.

Историцистская метафизика освобождает человека от груза ответственности, поскольку пытается убедить, что если некоторые события обязательно произойдут, то можете дожидаться их со спокойной совестью. Марксисты среди историцистов составляют исключение и не желают освободиться от груза ответственности, но только внутри исторической необходимости, состоящей в неизбежной замене капитализма социализмом. Ошибка Маркса как лжепророка заключалась все же в его экономическом детерминизме. «Маркс смотрел на людей – актеров на сцене истории... как на простых марионеток, неуловимо подталкиваемых экономическими пружинами – историческими силами, над которыми у них нет никакой власти. Сцена истории, учил он, встроена в социальную систему, которая связывает нас всех, и, следовательно, находится в «царстве необходимости». (В свое время марионетки уничтожат эту систему и вступят в царство свободы)» [7, с.120]. «Царство свободы действительно начинается лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и необходимостью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства», - неоднократно писал Маркс [8, с.386,387]. Маркс ищет ключ к развитию жизни людей в их экономической, а не в духовной жизни. Именно поэтому К. Поппер называет марксовскую разновидность историцизма экономизмом, не отрицающим царство свободы духовной жизни, но только как надстройку над экономическим базисом.

Как видим, наука об обществе должна совпадать с историей развития экономических условий общества, обычно называемых Марксом «условиями производства», которые, конечно, координируются со всеми другими условиями жизни. Поппер напоминает, что «существует взаимодействие между экономическими условиями и идеями, а не просто зависимость последних от первых. «Мы могли бы, пожалуй, даже сказать, что некоторые «идеи», а именно те, которые составляют наше научное знание, более фундаментальны, чем большая часть сложных материальных средств производства» [7, с.127]. Поппер приводит несколько значительных факторов в подтверждение этого аргумента, в том числе из практики социализма в России, поскольку в этой капиталистически слаборазвитой стране движущей силой развития был энтузиазм по поводу идеи. Так что Маркс недооценил силу царства свободы и его шансы на победу над царством необходимости, поскольку российская революция показала, что идеи могут революционизировать экономические условия в стране, а вовсе не ждать их необходимого объективного формирования. В отношении русской революции пророчество Маркса

вообще не оправдалось, поскольку она осуществилась вопреки основным положениям исторического материализма.

К. Поппер критикует и другие положения Маркса и Энгельса, в том числе один из краеугольных камней «Манифеста Коммунистической партии»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [9, с. 424]. Историзм (пророчество) – это вовсе не историзм, и Поппер анализом реальной истории опровергает это положение, говоря о борьбе наций, государств, папства и государственной власти и т.д. Признавая превосходным социологический анализ классовых отношений в системе не ограниченного законодательно капитализма, Поппер показывает ахиллесову пяту марксистской теории любой политики. Поскольку политика, а следовательно, и классовая борьба вторична как надстройка над экономической социальной структурой, то получается, что все политические институты и вся политическая борьба не имеют первостепенного значения и «политика на самом деле бессильна» [7, с.139], что является странным для борца за дело справедливости и гуманности. Из теории исторического детерминизма вытекает, что марксистская правовая свобода (и борьба) не может гарантировать ту свободу, которую Маркс считал целью исторического развития. Существенна только экономическая, или материальная свобода. Теоретическая недооценка института политики, который автоматически меняется только вместе с изменением базиса, привела к неверному выводу об отмирании государства, когда экономически господствующий класс сломлен. «Его наивный взгляд, согласно которому в бесклассовом обществе государственная власть утратит свои функции и «отомрет», ясно показывает, что он никогда не понимал парадокса свободы, ни той функции, которую государственная власть может и должна выполнять, служа свободе и человечеству» [7,с.148].

Противопоставляя закрытому обществу (ограниченному конечной целью, будь то и построение коммунизма) открытое общество, создаваемое всеми усилиями духовной и материальной социальной технологии, Поппер справедливо пишет, что необходимо отвергнуть догму, согласно которой экономическая власть является корнем всех зол. «Ее место должно занять понимание опасностей, исходящих от любой формы бесконтрольной власти» [7, с.150]. Марксизм намеревался превратить государство в планирующий орган, против чего также предостерегал К. Поппер, так как существует не только парадокс свободы (от государства), но и парадокс государственного планирования, так как можно отдать слишком большую власть государству. В таком случае также будет поставлен крест на планировании, а свобода и в этом случае будет потеряна. Марксова исходная доктрина бессилия политики (и надстройки в целом) вытекала из его великой холистической системы «исторического материализма», согласно которой любая общественная система должна разрушить себя потому, что создаст силы, приводящие к новому общественному строю. Однако Поппер вовсе не считает, что победа одного (ранее эксплуатируемого класса) означает становление бесклассового общества. Антипсихологизм Маркса не позволил ему увидеть, что возможен раскол прежде единого класса и новый этап классового антагонизма, новый победивший правящий класс может превратиться в новый вид аристократии или бюрократии, как об этом позже напишет М. Восленский [10]. Искусно пользуясь революционной идеологией, он может использовать власть вовсе не в целях, обещанных Марксом, что свободное развитие каждого явится условием свободного развития всех. Также возможны новые привилегии внутри победивших рабочих, так что эксплуатация не обязательно исчезнет вместе с исчезновением буржуазии, о чем мы уже знаем не только из исторической практики, но и из художественной литературы (Дж. Оруэлл, А. Платонов и мн. др.).

В Марксовом пророчестве не учтено и то обстоятельство, что с разрушением капитализма не обязательно возникает социализм или коммунизм. Практика, и не только российская, показывает возможность возникновения систем, в которых государство владеет средствами производства и не собирается отмирать. Установка его «научного

метода» на то, что идеологические факторы нельзя считать независимыми и непредсказуемыми тоже не оправдались в общественной жизни. Более того, замечания Маркса о том, что «мы можем сократить или ослабить родовые схватки появления социализма», вполне интерпретируются таким образом, что мы можем на века отодвинуть возникновение социализма или сократить это время до минимума, т.е. результат будет зависеть от моральных или идеологических факторов, так что жесткая необходимость социологических законов оказывается романтической. Для такого пророчества подходит и метод пропаганды, энтузиазма, насилия, что порождает небезосновательные сомнения в том, что иррациональными методами можно создать более разумный мир. На основании своей теории марксисты не утруждали себя программами социальной технологии построения социализма. Самый «прагматический» рецепт ограничивался лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а ортодоксальный принцип, что нищету можно уменьшить только победоносной революцией, опровергнут самой жизнью. Сама социальная революция рассматривалась как переходный период в борьбе между двумя основными классами, гражданскую войну между которыми желательно избежать, хотя вопрос ужесточения насилия над свергнутым классом обсуждался неоднократно и представлен «уроками Парижской Коммуны».

Учение о диктатуре пролетариата, которое проходит через все произведения марксизма, означает насилие, т.е. тиранию и террор, что и было подтверждено реальной практикой построения социализма. Несмотря на то что в целом пророчество Маркса, исходящее из открытой им исторической необходимости, не состоялось, многое в его учении было предсказано верно: тенденция к развитию средств производства и росту производительности труда, увеличению потребления, повышению уровня жизни; уменьшение рабочего времени; увеличение количества людей, не являющихся промышленными рабочими; исчезновение законодательно неограниченного капитализма и многое другое в многогранном социальном процессе. Маркс верил в прогресс, поэтому пророчества Маркса давали рабочим вдохновенную веру в свою миссию и в то великое будущее, которое рабочее движение должно дать человечеству. Вследствие этого в марксизме очень виден элемент религиозности при ярко выраженном отрицании традиционных религий. Капитализм вызывал у Маркса отвращение, потому что богатство в этой системе означает власть над другими людьми, рабочая сила превращена в товар, люди продают себя на рынке труда. Это была (и во многом остается) система отчуждения от человека человеческого и напоминала рабство. Маркс избегал этических проповедей, но всегда осуждал лицемерное христианство, ханжество церкви и всегда разрешал проблему морального выбора в сторону служения борьбе пролетариата и созидания будущего. Это последнее Поппер называет этическим позитивизмом, утверждающим, что правда на стороне будущей силы. Вместе с тем секрет религиозного влияния марксизма заключается в его нравственном призыве, его критика капитализма была эффективной, особенно с моральной стороны. И если научный марксизм умер, то выраженное им чувство социальной ответственности и любовь к свободе должны выжить, - заключает К. Р. Поппер [7,с.243].

Параллельно с Поппером, но с позиций эволюционной методологии, над темой несостоятельности и тоталитарных последствий доктринальных положений классического марксизма работал Фридрих фон Хайек (1899-1992). Его задачей было показать, почему интеллектуальное марксистское учение, завладевшее многими умами, угрожает гибели гуманистических основ цивилизации. Хайек аргументировано доказал, что общество, базирующееся на институте частной собственности, где высшей ценностью является свобода личности, более соответствует человеческим желаниям. Еще в начале своих исследований Хайек назвал социализм, подобно Достоевскому, дорогой к рабству [12]. На противопоставлении коллективизма индивидуализму и его предпочтении, по словам Хайека, вырос «контррenessанс» национал-социализма и социалистического тоталитаризма в советской России. Если К. Поппер противопоставляет идее социализма и

вытекающим из нее последствиям тоталитарного общества философию открытого общества, то Ф. фон Хайек - общество расширенного порядка (рыночное общество), которое возникает не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно. В отличие от идеи Маркса с его учением об общественно-экономических формациях, последовательно выстраивающихся одна за другой и венчающихся коммунистической, Хайек доказывает, что ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формируются как процесс бессознательной самоорганизации. Развивая теорию культурной эволюции, отличную от рационалистически детерминированной, Хайек пишет, что любая эволюция, будь то культурная или биологическая, все же представляет собой процесс непрерывного приспособления к случайным обстоятельствам, к непредвиденным событиям, которые невозможно было предсказать. В этом состоит еще одна причина, почему эволюционная теория в принципе не может позволить нам рационально прогнозировать и контролировать будущую эволюцию [см. 11, с.48]. Это значит, что «незыблемые законы исторического развития» (там же) не существуют. «Философы, вслед за Марксом или Огюстом Контом утверждающие, что наши исследования могут привести к установлению законов эволюции, позволяющих предвидеть неизбежные будущие изменения, заблуждаются» [там же, с. 49]. Хайек называет пагубной самонадеянностью убеждения, что человек способен «лепить» окружающий мир в соответствии со своими желаниями, что в целом отвергает и теорию социальной инженерии открытого общества К. Поппера. Рассматривая взгляды целой плеяды ученых, в том числе и великих (А. Эйнштейн, Н. Бор, Дж. Бернал и мн. др.), которые считали, что «разум человека в состоянии найти способ распределения столь же эффективный, как способ производства» [там же, с. 104], Хайек считает их точку зрения «рецептом для изготовления самонадеянного рационализма», который обозначен им как «сциентизм и конструктивизм» [там же, с.106]. Он заключается в конструировании новой морали на основе научного знания – обычно этой новой моралью оказывается мораль социалистическая [там же, с.108]. Сам же Хайек доказывает, что социалистическая мораль (тоталитарная) не такова, и только те всеобщие и абстрактные правила, которые человек должен учитывать, принимая индивидуальные решения ради достижения индивидуальных целей, заслуживают, чтобы их называли нравственными. Цель социализма состоит ни больше, ни меньше как в том, чтобы полностью перестроить наши традиционные нормы морали, права и языка, и на этом основании искоренить прежний порядок и якобы жесткое, ничем не оправданное положение, мешающее воцарению разума, самореализации, истинной свободы и справедливости. В книге «Пагубная самонадеянность» развивается концепция, согласно которой «нельзя полностью понять, в чем суть традиционных нравственных норм и как они действуют; что следование им не служит никакой цели, точно определимой заранее; что соблюдение их приводит к последствиям, не наблюдаемым непосредственно, из-за чего благотворность этих последствий не устанавливается заранее, и их невозможно полностью знать или предвидеть ни при каких условиях» [там же, с.124]. Традиционные практики морали обычно складывались в рыночном порядке и создавали его, поскольку в институтах расширенного порядка это безличный процесс и индивиды не знают и не могут знать, каков будет конечный результат их взаимодействий.

Усиливая свои рассуждения об эволюционном, трансцендентном упорядочивании жизни, Хайек отрицает, что ум или воля кого-то одного (например, всеведущего Господа) в состоянии осуществлять контроль или устанавливать порядок. Это характерно любым формам антропоморфизма, анимизма, а также и социализма. Принципы Хайека, предлагаемые в этой книге, направлены против долгосрочных предвидений и пророчеств и осуждают бесплодие попытки придать справедливый характер ситуации, исход которой по самой своей природе не может быть предрешен ничьими действиями или знаниями. «Эволюция не может быть справедливой» - таков весьма неизбитый и ранее нам неизвестный взгляд на развитие цивилизации и культуры. Хайек подробно дает описание

процесса эволюционной адаптации в рыночной системе, совершенно не по Марксу, а представляет его как культурно-исторический процесс адаптивно-спонтанного характера, и «сознательно спланированной замены такому самоупорядочивающемуся процессу приспособления к неизвестному быть не может» [11, с.134]. Он существует только как процесс гибкого рассредоточения ресурсов множества индивидов, обладающих свободой личности и индивидуализированной собственностью. Рационалисты Марксова (социалистического) типа были убеждены, что централизованная плановая экономика обеспечит не только социальную справедливость, но и более эффективное использование экономических ресурсов, до тех пор, пока не стал очевиден экономический провал восточноевропейского социализма. Более того, ретроспективно выяснилось, что контроль посредством индивидуализированной собственности приводит к выработке и использованию большего количества информации, чем это возможно при централизованном управлении. Марксисты, считает Хайек, внесли в сохранение анимистического мышления наибольший вклад, несмотря на то, что боролись с религией. «Воображая, будто любой порядок возникает в результате воплощения чьего-либо сознательного замысла, социалисты делают вывод, что человеческий порядок мог бы быть улучшен, создай некий высший разум более совершенный его проект» [там же, с. 187-188]. Главным образом мы обязаны Марксу подменой термина «общество» термином «государство» и персонификацией его, приписыванием ему воли, намерения или сознательных замыслов, что исподволь превращается в предписания. В естественноисторическом процессе общества расширенного порядка с его диверсификацией и специализацией труда возникают новые возможности занятости населения и таким образом появление пролетариата. Автор этой концепции в совершенно другом смысле интерпретирует дилемму «капитализм – пролетариат»: Карл Маркс прав, что капитализм создал пролетариат: он дал и дает ему жизнь [см. там же, с. 212]. Экстраполируя этот взгляд на современность, Хайек небезосновательно утверждает, что коммунистические страны голодали бы и сейчас, если бы государства частной собственности не оказались бы в состоянии прокормить население земного шара. И критика Поппера, и критика Хайека были очень плодотворны пока существовала коммунистическая тоталитарная альтернатива. Дж. Сорос считает, что современное общество страдает от чрезмерного индивидуализма, т.к. слишком большая конкуренция и слишком малое сотрудничество могут привести к губительному неравенству, нестабильности и лишит общество ощущения целостности и цели. Глобальная рыночная экономика отличается от золотого века капитализма, основанного на принципе государственного невмешательства. Идея невмешательства может таить опасность для существования открытого общества, поскольку своекорыстный интерес в качестве главного принципа игнорирует пороки и нестабильность, присущие всеобъемлющей рыночной ориентации. Сорос считает, что сотрудничество есть часть социальной системы в той же мере, что и конкуренция, а принцип «выживает сильнейший» делает естественный отбор ведущим принципом цивилизованного общества, что возвращает к социал-дарвинизму. Однако и проектирование открытого общества противоречило бы его сути, поэтому наиболее приемлема промежуточная позиция: с одной стороны, нам нужны социальные институты, чтобы охранять мир и стабильность; с другой стороны, они должны быть достаточно далеки от концепции всемирного государства, что есть утопическая идея.

§ 3. Анализ и критика русского марксизма

Хронологически несколько раньше Н. А. Бердяев (1874-1948) начал критику марксизма в его русском варианте в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), в которой он дает непревзойденный анализ особенностей развития марксистской идеи, упавшей на специфическую мессианскую почву русской идеологии и затем

взошедшей тем апокалипсисом советского социализма, от последствий которого еще не может освободиться наша страна. Русские критики, хотя и из-за границы (вынужденной эмиграции), давали анализ марксизма, исходя из особенностей русской истории и мировоззрения. Русский «коммунизм» более сложный феномен, чем западный, который в реальном смысле там не состоялся вследствие многих причин: и изменившейся ситуации западного рабочего движения, и реального «примера» русской социалистической революции. Русский народ Бердяев характеризовал как народ ортодоксов и апокалиптиков и тогда, когда они в XVII в. стали раскольниками-старообрядцами, и тогда, когда в XIX в. стали революционерами-нигилистами, и в XX в. – коммунистами. Русское мировоззрение характеризуется исповеданием ортодоксальной мысли, которая во времена Московского царства получила название Москвы-третьего Рима как единственно оставшегося православного государства после падения Византии и оплота православной веры, которые должны сыграть особую роль в создании справедливого общества. Затем она трансформировалась в русскую идею, которая и со стороны славянофилов, и со стороны западников – двух противоположных течений – носила мессианский характер. За наивным аграрным социализмом русского крестьянства будет стоять русская образованная интеллигенция, провозглашавшая особый общинный тип развития России, и с Запада призывавшая Россию к топору. Бердяев назвал эту тенденцию обаянием теллургической мистики русских, которая в народовольчестве получила название «власти земли». Русская социалистическая революция была замешана на противоречивости русского народа, которую Бердяев охарактеризовал следующим образом. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый; как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности; жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. В огромном государстве-империи этот народ искал царства правды, а этой правды как раз и не было. Все слои империи это чувствовали – и народ, и лучшая часть дворянства, и образовавшаяся русская интеллигенция. Именно благодаря наличию особого религиозного склада души и ощущения мессианского предназначения во всех слоях русского народа и русский максимализм привели к тому, что Россия стала почвой осуществления идей марксизма в соответствии с русским менталитетом, в котором сублимировалась вся религиозная мессианская энергия. Русская ортодоксальность славянофильского или западнического типа были тоталитарными системами мысли, хотя совсем по-своему хотели совершенного строя жизни.

В России еще до марксизма возник марксизм в лице ортодоксальной интеллигенции, стремящейся к переустройству жизни на социалистических началах, к тому же в России никогда не было культа частной собственности. Но, как движение, марксизм в России возник во второй половине 80-х г.XIX в., встреченный уже внутренней готовностью русского народа к коммунизму в атмосфере борьбы с крепостничеством и самодержавием. Революционно-демократические течения в России вынашивают мысль о том, чтобы срок капиталистических отношений минимизировать и перейти к социализму, что затем было использовано русским марксизмом. Именно в недрах революционно-демократических и нигилистических течений вызревал тот тип нового человека с моралью социального утилитариста или «мыслящего реалиста», подчиняющего свою внутреннюю жизнь и личные интересы требованиям и директивам общества, проложивший путь к типу русского коммуниста. Во времена народничества возник тип нигилиста нечаевского типа, изображенного Достоевским в «Бесах» (Петр Верховенский), где он предостерегал от русского коммунизма, если таковой реализуется, воплотив в жизнь нечаевский «Катехизис революционера». Именно из этого катехизиса разовьется главнейший принцип русского марксизма-ленинизма: «Для революционера все морально, что служит революции» [13, с.52]. Другой формой русского мессианства выступает бакунинский анархизм, так что плацдарм у марксизма был обширный, чтобы именно в России возник

мировой пожар социалистической революции, хотя собственно марксизм был далек от подобных экстремистских взглядов. В России о собственно марксизме первый заговорил Н. П. Ткачев, которого можно считать предтечей В. И. Ленина. Однако он вовсе не считал, что для осуществления марксистских идеалов в России необходим развитый капитализм, буржуазная революция, конституция и т.п., т.е. все то, что обозначено у Г. В. Плеханова - настоящего последователя марксизма: развитие капиталистической индустрии, пролетаризация крестьянства, опора на объективный социально-экономический процесс, детерминистическое, а не утопическое наступление научного социализма. Для русского марксизма самое существенное значение имело учение о диктатуре пролетариата, которая получила мессианское толкование в связи с общим духом русского мировоззрения об избранничестве русского народа. Надо было как можно скорее сделать скачок в «царство свободы», к тому же пролетариат в России уже появился. Согласно ленинской трансформации марксизма многочисленного пролетариата можно и не дожидаться для осуществления социалистической революции в форме захвата власти революционерами-большевиками. Ленинский вариант марксизма соединил классический марксизм с традициями русского социалистического мессианства и революционной воли, основанной на власти идеи. В России революция осуществлялась как религия пролетариата, но в противоположность марксистскому детерминизму. «Произошло соединение русского мессианизма с пролетарским мессианизмом» [там же, с. 89], вернее русская идея с ее мессианством была трансформирована в пролетарское мессианство, к которому было подключено и беднейшее крестьянство. Большевики даже увидели сильную сторону в отсутствии развитой буржуазии – не придется преодолевать сопротивления сильного класса. На почве этого русифицированного и ориентализированного марксизма и осуществлялось строительство социализма, теперь по-ленински возможное в отдельно взятой стране.

Целостное тоталитарное мировоззрение Ленина выразилось во всех его работах: «Материализм и эмпириокритицизм» (1908), «Философские тетради» (1914-1916), «Государство и революция» (1917), «О значении воинствующего материализма» (1922) и многих других социально-политических трудах, подготавливающих стратегию и тактику российской революции. Прежде всего, труды написаны с позиций партийности, поскольку Ленин считал, что каждый полагающий себя марксистом, должен служить делу социалистической революции. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин дал для своего времени глубокий анализ «кризиса в физике рубежа XIX-XX вв.», отстаивая понятие материи как объективной реальности, существующей независимо от сознания субъекта. Современная философия выработала более широкое понятие материи, в которое входит и реальность, связанная с деятельностью субъекта, и социальная реальность, которая не может не зависеть от сознания. Тем самым корректируется понятие общественного бытия, которое не сводится к экономическому базису, а включает в себя все формы духовно-практической деятельности человека.

«Государство и революция» - это попытка овладения теорией диктатуры пролетариата и обозначения ее функций в период построения социализма. Главная ее функция – учет и контроль за мерой труда и мерой потребления – давала тоталитарные возможности ограничения свободы личности и насилия над ней, пока человек не научится соблюдать нормы коммунистической морали и исповедовать единомыслие. По выполнении этой главной функции государство становится ненужным, т. е. Ленин признавал государство только как машину насилия, «аппарат подчинения одного класса другим». Таким образом было построено тоталитарное государство, распространяющее свой контроль и на мысль, не терпящее инакомыслия. Диктатура пролетариата превратилась в диктатуру мировоззрения, и другое, не соответствующее воинствующему материализму, не имело права на существование, нуждалось в коммунистической «перековке». Проблема власти была основной у Ленина, и ему удалось создать новое милитаризованное явление великорусской державности. Тоталитарный марксизм с его принципом партийности

объявлялся абсолютной истиной, потому что стремится создать бесклассовое общество: пролетариат тоже исчезает как класс, поэтому его нельзя заподозрить в классовой пристрастности. Вместе с государством «отмирает» и демократия, как об этом говорится в работе «Государство и революция». Вся пропаганда работала на утверждение единого мировоззрения, превращая его в символ веры, а марксизм с его мессианской идеей - в новую религию. В авторитарной монистической системе при господстве одной идеологии, одной политической партии, одной публичной цели общества, одной формы собственности, одного центра управления, при засилии однотипного героя в искусстве и культуре единственного полноценного человека – вождя возникал либо тип конформиста через сублимирование личности к ценностям, заданным обществом, либо личность десублимировалась в лагерную пыль. Это было деструктивное формирование личности через дополнительное подавление тоталитарным обществом, поглощение личности обществом при помощи репрессивной сублимации. Русский марксизм превратился в тотемический, вождь и партия становились для человека тотемом, которому большинство поклоняется, а указанного врага ненавидит [14, с.40]. Моноидеологическое мировоззрение, насаждаемое сверху, рождает двоемыслие, как это драматически представлено Дж. Оруэллом в романе «1984», а затем во многих произведениях, написанных за рамками метода социалистического реализма (А. Платонова, А. Кёстлера, Б. Пастернака, А. И. Солженицина, О. Волкова, В. Шаламова и мн. др.).

Эзотерическая задача пролетарского мессианства, состоящая в апологии пролетариата как спасителя человечества, возлагалась в марксизме на невежественное, страдающее кретинизмом, вымотанное на грубой работе и превращенное только в желудок существо, по характеристикам самого Маркса. «И кто же – эта духовно опустошенная, слабоумная, ниже животного уровня опустившаяся порода человеческих существ должна возглавить универсальную эмансипацию? Этот новый варвар, человек-желудок призван освободить культуру от цепей отчуждения?» – спрашивает Э. Ю. Соловьев в своей статье «Даже если бога нет, человек – не бог» [15, с. 115-12]. Эта апология пролетариата для России обернулась общим понижением культурного уровня, а мотивы силы и власти вытеснили старые черты правдолюбия и сострадательности. Вековые качества покорности способствовали осуществлению ленинской утопии построения земного рая из этого «материала», который не обладает чертами самосознания, критической оценки происходящего, элементарной грамотностью. В этих условиях партийная номенклатура от имени пролетарской идеологии создала общество, близкое фашизму, и массового пролетарского человека с психологией и кругозором булгаковского Шарикова («Собачье сердце»).

Коммунистическая символика, удачно примененная ленинизмом-сталинизмом, дисциплинировала хаос распада и подчинила российский народ, воспользовавшись русским мессианством, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России. Целостное тоталитарное мировоззрение превратилось в вероучение, что соответствовало навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью. Образовалась обратная теократия, и марксизм, не русский по происхождению, «приобретает русский стиль, восточный, почти приближающийся к славянофильству» [13, с.116]. Произошло опять превращение рационализированной марксистской теории в утопию, но утопию, более тираническую и жестокую, чем мыслилась марксистская диктатура пролетариата.

Догматизированная доктрина марксизма становится сталинским строительством социализма при помощи диктатуры пролетариата (красного террора). Каковы же те доктринальные положения, которые были абсолютизированы?

1. Неизбежность замены капитализма социализмом, причем насильственной, где революция считалась повивальной бабкой истории.

2. Тотальное обобществление как устранение частной собственности и замена ее государственной.

3. Устранение многоукладности хозяйства.
4. Централизованное руководство всей хозяйственной жизнью, декретированное планирование.
5. Пролетаризация общества как устранение мелкобуржуазной стихийности.
6. Атеизация общества.

Сталин, следующий марксистской букве, не сумел разглядеть той трагедии, которая ожидала народ, восприняв НЭП Ленина (новую экономическую политику допущения частной собственности) как временный период, и как только страна чуть-чуть опомнилась от разрухи, стал строить «чистый социализм». Так что даже те новации Сталина, которые ему приписывают, а именно - формулирование закона возрастания классовой борьбы по мере построения социализма и превращение партии в орден меченосцев - все это вытекало из предшествующих положений утопической доктрины коммунистического будущего и обусловило принесение настоящего в жертву будущему. В целом логически это выливалось в последовательную цепь приоритетов, которую начали выстраивать классики марксизма и довели до абсурда их адепты:

1. Общественный интерес выше личного. 2. Будущее значительнее настоящего. 3. Сознательное выше стихийного. 4. Коллективное выше индивидуального. 5. Классовое превышает общечеловеческое. 6. Экономическое значимее нравственного и т. д., как сформулировал эти приоритеты А. Ципко [16, 17], анализируя истоки сталинизма. Они стали руководством к действию у Сталина, экономика была подчинена политике, поскольку строился идеологический социализм: действительность стала подгоняться под теорию (и это делали люди, признававшие себя материалистами, отстаивающие примат общественного бытия над общественным сознанием).

На практике эта идеология предстала как левый экстремизм, старающийся навязать (часто под дулом пистолета) модель счастья, как его понимали адепты вождя: общая работа по общему плану и на общей земле, общих фабриках и заводах. Что из этого вышло, сейчас видно, и хорошо, что на это понадобилось не более 70 лет: полный упадок сельского хозяйства, утрата интереса к земле, хозяйского к ней отношения; падение интереса к труду в целом (т. к. уровень эксплуатации не понизился, а коллективный эксплуататор - государство закрепостило человека); отсутствие чувства ответственности, инициативы, самостоятельности населения в условиях административно-командной системы; феодализация общественных институтов в условиях сверхвластия партии.

Из скрываемых неудач такого общества выростала вся дальнейшая репрессивная политика: и стремление списать все неудачи в строительстве уникального общества на врагов народа, и насаждение единомыслия и единообразия в понимании всего, и преследование инакомыслящих как врагов социализма, так как они нарушали мыслимую рафинацию строящегося «бесклассового» общества. И как следствие — безнравственность общества, поскольку требовались в нем люди, согласные со всем и способные на всё. Классовый интерес ставился выше морали. Крестьянин был объявлен классовым врагом социализма, если он не желал трудиться за «палочки» на общей земле по общему плану средствами производства, принадлежащими государству, (врагами стало 80 процентов населения).

Итак, строительство котлована левозкстремистского здания «социализма» начиналось на плацдарме классического марксизма, на котором были прочерчены следующие принципиальные предписания, основанные: 1) на понимании мелкобуржуазной природы крестьянина, который мешает построению чистого безрыночного социализма. Истинно марксистский тезис об идиотизме деревенской жизни, о дурацком крестьянском хозяйственном укладе, о несовместимости социализма с парцелльным производством был использован Сталиным для обоснования коллективизации. Не будь у него возможности подвести под экспроприацию деревни марксистские идеи, он вряд ли получил бы поддержку у партии. В 1929 году в основу своей речи о правом уклоне в ВКП (б) на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) Сталин изложил марксистские тезисы: 1) о

крестьянстве как последнем капиталистическом классе; 2) об обострении классовой борьбы..., так как крестьянин будет удовлетворять свои потребности через рынок, воспроизводя мелкобуржуазную стихийность, являющуюся основой возрождения капитализма; 3) о буржуазности рынка и законе стоимости; 4) о понимании государственного как коллективного; 5) о превосходстве классовых интересов над общечеловеческими ценностями.

Марксова идея самоизживания мелкой буржуазии трансформировалась в лозунг «бей кулака» и в политику уничтожения кулачества (а затем и крестьянства) как класса, в гражданскую войну «экспроприации экспроприаторов», в деструктивную люмпенизированную практику уравниловки с ее призывом: «грабь награбленное». В этом вся авантюрная суть сталинизма, все неудачи дальнейшего построения «светлого будущего», связанные с уничтожением инициативы, интереса, собственности, права и т. д. Стремление построить богатство человека основывалось на всеобщей бедности, на тотальном подавлении, подчинении личности, на полном распоряжении ее жизнью.

Да, марксизм выступал как наиболее радикальное учение о замене предыстории общества на историю, но он никогда не порывал с настоящим, с человеческим интересом. Как известно, основоположникам марксизма принадлежит изречение, что история всегда посрамляла себя, как только она отрывалась от интереса. И они сумели бы разглядеть, что такое будущее, которое не дает человеку ни достатка, ни гарантии прав, ни автономии личности, ни гуманизма, вряд ли нужно человеку, и за такое будущее они не стали бы бороться. Ведь недаром они предостерегали от уравниловки и казарменного коммунизма.

Итак: нетоварное производство; крестьянин, переставший быть крестьянином; собственность, переставшая быть собственностью, то есть ставшая ничейной; человек, забывший свое «я» — все это последствия догматического подхода и обожествления политического учения, созданного в конкретно-исторический период. Далее административно-командная система, дефицитное, «карточное» общество (распределение по карточкам), новый эксплуататорский класс чиновников, номенклатура, теневая экономика, коррупция, мафия... И сейчас общество выступает против бед, нажитых за годы левого экстремизма и неумения хозяйничать. Ведь борьбой с врагами, а также идеологической борьбой и революцией ничего не создашь, не из чего будет синтезировать богатство, из которого складывается благополучие человеческой жизни. Ведь Солнце, на которое так надеялся Чепурный, председатель коммунистической ячейки в «Чевенгуре» А.Платонова, не может его создать. Это чистая утопия.

Глубокое мировоззренческое и практическое обновление переживает бывший мир социализма. Разрушение образа врага, ликвидация коммунистической угрозы, утверждение идей демократии, социального плюрализма и правого государства - все это заставляет отказаться от нежизненных, нормативных моделей «чистого» социализма. Однако и Россия, и ближнее, и дальнее зарубежье бывшей системы социализма ведут мировоззренческие, экономические, политические, этнические поиски в общей тенденции к открытому обществу постиндустриальной культуры.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Назовите теоретические источники философии марксизма и одновременно принципиальное отличие марксизма от них.
2. Назовите этапы развития диалектической философии марксизма, а также положения, развиваемые последовательно создаваемыми произведениями.
3. Какое уничтожение частной собственности К. Маркс связывал с «казарменным коммунизмом»?
4. Каковы основные положения диалектики Маркса и Энгельса?
5. В чем заключается учение о материалистическом понимании истории в марксизме?

6. Почему К. Поппер называет «исторический материализм» историцизмом и экономическим детерминизмом?
7. Какова противоречивая роль политики как одного из элементов надстройки в марксизме?
8. Какую теорию общественного развития противопоставляет К. Поппер марксизму?
9. В чем заключается критика Ф. фон Хайеком социологической теории Маркса с позиции эволюционизма рыночной экономики?
10. Каковы объективные причины воплощения марксистского учения социалистической революции в России?
11. Что такое русская идея и русское мессианство?
12. Видите ли Вы трансформацию русского мессианства в идею диктатуры пролетариата?
13. Каковы доктринальные положения марксизма, которые были абсолютизированы и перенесены на русскую почву строительства социализма?
14. Почему доктрина марксизма оказалась утопической и каковы ее социальные следствия?
15. Что привлекательного вы находите в марксистском учении?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 3. С. 1- 4; или Т. 42. С. 261- 263.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С. 379, 422.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т.42. С.41-174.
4. Маркс К., Ф. Энгельс. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т.3. С.7-544.
5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 21. С.269-317.
6. Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т.23. 773 с.
7. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Метод Маркса. М., 1992. Т.2. С.97-490.
8. Маркс К. Капитал. Т.3. Ч.2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т.25. Ч.2.551с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т.4. С.419-459.
10. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. 624 с.
11. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. 304 с.
12. Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7, №8.
13. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.
14. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002. 610 с.
15. Соловьев Э.Ю. Даже если бога нет, человек – не бог // Марксизм: pro и contra. М., 1992. С.115-129.
16. Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. №№ 11, 12; 1989. №№ 1, 2.
17. Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4.
18. История философии. Учебник для высших учебных заведений. Ростов - на-Дону, 2002. Раздел 2. Гл.6; раздел 3. Гл.5.